

*Как прекрасно будут жить мои внуки
через сто лет», - успел подумать человек,
не знавший, что Ной уже достроил свой
ковчег*

***Не хочу быть
героем***

18+

***Рождённые на заказ
Людмила Ударцева***

Людмила Владиславовна Ударцева
Не хочу быть героем.
Рождённые на заказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39470330

SelfPub; 2021

Аннотация

Кто он теперь: недобог или перчеловек, который мог бы управлять государствами, а дружит с выходцами Нави? Он любит неистово и страстно, но она знает о нём то, что не даёт ей ответить ему взаимностью. И на развалинах собственного мира он остаётся среди смертных, отказавшись от трона среди богов.

Людмила Ударцева

Не хочу быть героем.

Рождённые на заказ

Не хочу быть героем

Часть третья

Рождённые на заказ

Вместо предисловия:

«Как прекрасно будут жить мои внуки через сто лет», – успел подумать человек, не знавший, что Ной уже достроил свой ковчег.

Автор

Глава 1

– Соглашаться на массовое клонирование каирских нью-йорджити в условиях жесткой экономии ресурсов – немыслимое преступление против населения Агидели. – Министр запнулся, покраснел, чем развлёк моё уныние, чуть перегнув с категоричностью. Стерх Белозерский не хотел к своему имени прозвище Мятёжный, оставить возможность припомнить: «Я же говорил!» – и хватит. И потому щекотливых пунктов договора лучше было не касаться – полить немного воды для значимости и только. Он заговорил громче, перекрывая дополнительными красками в голосе предшествующие, неосторожные слова:

– Мы можем сослаться на пункт 31.2 о сохранении пятидесяти процентов генома человека, и Федерация поддержит наше решение. В противном случае уместно настаивать на увеличении компенсаций и обеспечение дополнительных гарантий! И никакой другой сценарий не мыслим для нашего демократического общества! – Искусный лицемер, простите «политик», он входил в число немногих посвящённых, знавших, что пресс-конференция лидеров Агидели – витрина «магазина», распродававшего недра из под полы, она не могла повлиять на готовое решение Совета.

– Мы выступим гарантом демократии! – Белозерский заигрался, словно не замечал, что съёмка закончилась сразу, после его «смелых» слов.

По сигналу организаторов, камеры операторов и прожекторы погасли, как только последний репортёр покинул зал, речи зазвучали иначе.

– Уважаемый министр, оставьте красноречие – лишних ушей здесь уже не нет! – профессор Спэроу выкрикнул с места, не потрудившись встать. – Не мне вам объяснять, что общество давно потеряло позицию правящей силы. Если люди зависимы – ими легко управлять, и это золотое время для любой власти, – он покачал головой на последнем утверждении, направив назидательный взгляд в сторону губернатора. – Следует подчеркнуть, что для соблюдения легитимности мы декларируем жесткий лимит, и ни слова о предполагаемых рисках или специфике клонов, указанных в дого-

воре.

– И как вы собираетесь его опубликовать? Частями?! – Губернатор не собирался оставлять выпад профессора без внимания и предпочёл продолжить обсуждение, оставаясь на возвышении, сидя за столом рядом с трибуной.

– Правильнее говорить «под редакцией», – выпад от сторонников Сперроу.

– Будут ли использованы местные женщины, для вынашивания? – команда губернатора в игре. Пасс!

– Это вовсе не обязательно, мы получим нужное количество суброкамер. – Хитрец обошел денежный вопрос, уверенный, что бюджет не минует нужных карманов: продуманы этапы для манипуляций, найден стоворчивый подрядчик. Он бы не отказался заменить ряд установок бесплатными, двуногими инкубаторами и сэкономил бы больше, если бы не одно «но». Казалось, что этот негативный союз ему покоя не давал, об этом «но» он думал даже на пресс-конференции и некоторые из его мыслей мог озвучить, чтобы убедить самого себя, не поддаваться опьяняющему соблазну хапнуть кусок пожирнее:

– Эмоциональный фон, создаваемый источником, может привести к нежелательным последствиям в дальнейшем использовании организмов. – Здесь, профессор сильно преуменьшил вероятность «нежелательного». Он точно знал, что в десяти процентах случаев, при экспрессии генов (попросту говоря, при усилении человеческих слабостей из-за

связи даже с суррогатной матерью) клон показывал себя не стабильным и эксперимент прекращали за уничтожением объекта. Умалчивал учёный и о том, что исследования уже давно миновали фазу испытаний и по заказу Конгломерата, тысячи клеток-зародышей нового поколения готовились в каждом полисе.

Число естественно рождённых приблизилось к нулю уже в первые пятьдесят лет после катастрофы, репродуктивная функция оказалась самой чувствительной к новым условиям жизни. Искусственное зачатие и развитие вне тела матери обеспечивало омоложение общества "запланированными членами". Города-государства Аравийского Конгломерата диктовали жесткую экономию ресурсов, «миру не до случайных человечков», проводилось всё больше исследований для доказательства целесообразности отказа от готовых клеток в обмен на комбинированные.

Немногочисленные города превратились в зависимые от четырёх центров полисы, различавшиеся модификациями людей. Вопреки бесконечным попыткам создать совершенного человека будущего, любому из них нужен воздух, чтобы дышать и пища, чтобы дыхание было возможно. И никаких чудес – простая физиология несовершенного мира. Им её не переплюнуть. И всё же я считал, что людям погубленной Яви повезло больше, чем мне.

Они стремились жить, а я всё это время выгорал изнутри. Причину моей болезни, как и лекарство, я видел в девочке

с редким именем Есения. Маленькая гордячка, перевернувшая мою жизнь, осталась в другом мире, хранимым одним из древних богов.

Много лет у меня ушло на то, чтобы при упоминании её имени я не протыкал ногтями кожу на ладонях, сжимая кулаки; устоял на месте, не рвал башмаки до дыр, стремясь уйти от самого себя. Последняя встреча с ней, закончилась двойным пересечением экватора: по вершинам гор и дну высохших океанов, я брёл, чтобы уйти от жгучей боли в груди, где пульсировало вечное сердце. Оно, как и мир вокруг, уже не было моим. Привычка уходить от нервного напряжения – единственное, что осталось от меня прежнего спустя века.

Злость и скука – две доступные опции в бесконечной игре бытия, и для других игроков безопаснее, если во мне преобладало второе.

Я слушал Спэроу, точнее сказать – делал вид, что слушал, и мне было плевать на причины их конфронтации, как и результаты тайных переговоров. Мой истерзанный мозг искал одного – тихой радости, и всё сложнее было сдерживать бурю копившегося гнева. И потому уже тогда, когда весь этот мир стгорел в огне, я, с трудом сохраняя в себе остатки самообладания, просто сплюнул на его пепел и продолжил влачить своё вынужденное бессмертие.

Губернатор оппонировал не напрямую, он дал слово специалистам и замам, но спорить с профессором было бесполезно. Спэроу знал свои цели и пёр напролом. Очередное

выступление пролетело мимо моих ушей, оно оказалось коротким, спикер как никто понимал абсурдность ситуации и долго «после драки кулаками махать» не стал. Наверное, он относился к тем десяти процентам, у кого ещё просыпалась порядочность, и потому не посмел утомлять нас длинной ложью.

Губернатор Буйвол Атакующий, покидая трибуну вместе с последним оратором, создавал видимость непоколебимости собственных позиций. На самом деле договор с Конгломератом был подписан вчера и Буйвол проиграл по всем пунктам. Ни преференций, ни выгоды для его народа. Агидель не имел нефти или газа, единственная ценность – это водяная скважина, дававшая возможность производить обмен. Полис подмяли за долги, ум и совесть нынешнего руководителя уже не помогали.

Несмотря на это, сегодня ему удалось держать хорошую «мину» при плохой игре: отпустить пару шуток и улыбаться, протягивая руки для пожатия в обе стороны. Его единомышленники, с не менее звериными именами соскочили с мест, чтобы успеть пожать «полезную» руку, показывая абсолютную поддержку.

«Они поддержат тебя Атакующий, пока ты у руля, а потом спихнут и затопчут. Эти Слоны, Гиббоны, Аллигаторы и прочие (как только они не назывались, только не людьми) уже переговорили со Спэроу у тебя за спиной».

Стремление человечества увековечить названия вымер-

ших животных в своих личных файлах, делало забавными сводки новостей (я словно слушал аудио книгу о приключениях американских индейцев Джеймса Купера) и казалась жалкой, учитывая, что продолжительность жизни какого-нибудь среднестатистического, современного «Лося» составляла сорок лет.

День каждого человека начинался с индивидуального пакета диагностики, сокращённо ИПД, после анализа мочи половина получала рекомендации проверить что-нибудь ещё, двадцать процентов направлялись в медицинские центры, из них на службу обществу попадала треть, две трети ложились на "ремонт". Ни совершенство технологий, ни открытия генной инженерии не могли обеспечить достаточный иммунитет в искусственно воссозданных условиях жизни на увядшей планете. Современные города прятались под тоннами застывшего бетона в бункерах под землёй, снабжались смесью газов для дыхания, а пластиковые куполы на поверхности строили не для смертоносных солнечных ванн, а для удобства обслуживания наземных систем жизнеобеспечения.

Атакующему Буйволу пересаживали почки уже раз шесть, трансплантация становилась не более чем неудобством на пару часов. После дня реабилитации, относительно здоровый, он опять продолжал являть собой оплот непоколебимой власти.

Его грузное тело на коротких ногах, облачённое в длин-

ный пиджак, продвигалось к выходу с чувством величайшей важности возложенных на него обязательств. Раскаченная на стероидах шея распирала ворот дорогого костюма, даже сшитый на заказ пиджак выглядел несуразно на широких и чрезмерно покатых плечах, что делало его похожим на животное, имя которого он носил. На мой вкус он выглядел уродливо, хотя, когда от скуки я закатил глаза, взгляд задержался на изображении герба Федерации с красным быком в центре. «А не бездарные ли пиаршики тебе такой образ навязали, перекачанный ты бедолага?»

Упомянутая министром экономия не сказывалась на количестве угощений в банкетном зале. К счастью последние четыреста лет голод меня не мучил, а то не знаю, настолько ли бессмертно тело Велеса в котором томилась моя сущность. Модифицированная пища прирастала белками и обогащалась жирами в подземных лабораториях.

«Пироги в Ляду были лучше!» – думал я, глядя на килограммы выкрашенного белка, выращенного на нефтяном субстрате, нарезанного причудливыми формами и сдобренного всевозможными вкусовыми добавками: «Говядина», «Лосось», а то, что пожиже – «Мидии» в пластмассовых ракушках. И ведь даже вкусовые добавки были лживыми. Откуда лабораторным «крысам», выросшим в соседнем «бункере» знать, как пахла настоящая ветчина! Самым редким деликатесом стали окорочка тридцатидневных цыплят-мутантов.

Кажется, я был готов испортить им веселье, настроение снова хуже не куда.

В банкетный зал, демонстрируя раздутые прелести под эротическими нарядами, вошли алфатины.

Мне с детства привили уважение к женщинам, однако, то, что теперь сопровождало элиту на раутах, дискредитировало само первоначальное понятие женственности: выведенные по параметрам последней моды, представительницы древнейшей профессии, поменявшие название, умудрялись исправлять свои изъяны по несколько раз в год. Я не был поклонником аниме, но и мне пришлось признать проричательность японцев, когда-то нарисовавших большеглазых, жопастых кукол.

Алфатины отклонились от прежних канонов красоты настолько, что пугали меня талиями в пятьдесят сантиметров и карданом ниже, вычерченным щедрым циркулем. Прибавить к этому двойную работу того же циркуля под шейей и получалась самка современного человека, стопроцентно стерильная с рождения, вскормленная гормонами и доработанная операциями.

Возлюбленная Кролика Роджера плакала бы от собственной subtilности, увидев грудь дамочки разместившей за столом два баскетбольных мячика. Ещё одна пустышка, тёрлась бедром о мою ногу, поедая ту же часть цыплёнка так, что смертный мужик рядом перестал дышать, желая заменить ей лакомство.

«Удачи тебе, мужик», – с не озвученным пожеланием я вышел к лифту, несущему на поверхность. Над куполом сияли навязчиво яркие звёзды.

– Привет, – голос наполненный энергией. Эту бессмертную я узнал сразу. Макош была единственной из них, кто имел желание общаться со мной, и ей за это ничего не было. Потому, что: «Она женщина, а женщин я не бью, даже бессмертных». – Наконец-то, объявился!

Мои жилища с защитными знаками были невидимыми для бессмертных, поэтому доставали они меня, преимущественно, в людных местах.

– Как она? – Зачем-то покрутил пустоту на безымянном пальце правой руки.

– Холодна, неотразима... Такрин (она в шутку переняла у меня земное имя Рода) говорит, по шкале совершенства, Есения даст сто очков вперёд твоей Сирина.

– Она не моя...

– Сирина считает тебя своим создателем. – Самоуверенность не способствует наблюдательности, она не понимала, как можно дружить с умопомрачительной красоткой, оставаясь свободным от её чар, и посему лучшее, что она надумала: «Это родственные связи!». Говорить одной женщине (тем более своей бывшей), что не спал с другой из-за уважения – крайне глупо и я молчал. Легкомысленная Макош любила глупости и приветствовала любые шалости, презируя скуку, поэтому даже минутная пауза ей казалась лишней.

Через несколько секунд её уже интересовал другой десяток идей: – Да, кстати, ты отпустишь её на осеннего Юрия?

– Сирий теперь не одна.

– Пусть приходят все. Устроим широкий волчий разгул.

– Спрошу у Волка... Давно видела... Есению? – во рту пересыхало от волнения, даже если просто упоминал её имя.

– Перед тем, как прийти сюда. Знала, что спросишь.

Она открыла ладонь. Мой подарок – перстень, упакованный в подарочный, яркий мешочек.

Я сгрёб его и пальцами растёр в мелкую пыль, словно не метал, а иссохшую былинку.

– Эх, – Макошь только и успела, что вздохнуть. – Но на этот раз она на него хотя бы глянула...

Оптимистка, у неё всегда находилось, чем утешить. Может быть, представив, как Есения держит в руках мой подарок, я не выбросил мешочек, а сунул в карман.

– Передай ей, – попросил я, вынимая из того же кармана коробочку, хотя заранее знал, что мне ответят.

– Она же не примет, Вел!

– Возьмёшь себе или выкинешь, мне всё равно.

– Совсем разум отринул?! – она потрясла футляр, обтянутый красной тканью. – Выкинь! Это же брошь дочери Исмении!

«А то! Нужно же мне было занять свободное время, так почему бы не найти припрятанное на чёрный день золото предусмотрительной царицы Савской».

– Постараюсь, чтоб взяла.

– Спасибо.

– Пора забыть, Велес, поверь!

– Не произноси это имя! – кажется, это я прорычал.

Злость легко выходила из под контроля.

– Майкл? Угу! – Вздох, кивок и она продолжила, – как будет угодно. Я даже могу звать тебя Проклятый, так называют тебя высшие, которым ненавистны другие твои имена.– Её возмущение после обидных слов иссякло, осталось только сочувствие. Она хотела прикоснуться ко мне, но я не позволил. И всё-таки она произнесла: «Прекрати изводить себя».

– Сама знаешь, что не могу...

Момент откровенности был неприятен как мне, так и ей. С напускной весёлостью Макош продолжала:

– Такрин... Род просил передать небольшую просьбу.

– Да, что ты?! А я стал думать, что ты пришла навестить старого друга! – задремавшая злость нашла более достойный объект.

– Нужно присмотреть за пареньком.

– Ещё одна пешка в его большой игре?

Я вспомнил, как когда-то другой, глупый парень доверился этому бессмертному, и стал жертвой, принесённой Родом. То было началом моего персонально ада.

– Пойдём со мной...

– Нет.

Мы постояли молча.

– Твою безделушку передам ...

Я только кивнул в ответ.

Они с готовностью признали меня равным, только я не пошел с ними, предпочёл смертных. Бывали моменты, когда я пытался быть кем-то полезным: лечить людей, помогать праведным, но раз за разом понимал тщетность моих попыток ушедших множеством душ в тоскливую вечность. А я так и остался между: недобогом которого отвергла любимая или перечеловеком с усовершенствованной памятью, не позволявшей этого забыть.

Глава 2

Под грузом собственных воспоминаний я не заметил, как вернулся в банкетный зал.

– Господин Губернатор, познакомьте меня с вашим необходимым другом.

– Да, да, – губернатор откашлялся. – Рад представить Майкл Бодров, – он поставил ударение на первый слог. Меня считали одним из тех, кто придерживался старой манеры. На самом деле, я никогда не менял фамилию. Затруднительно справляться с обновлением моих виртуальных документов, учитывая срок жизни и эту маленькую слабость, но если для них семейное имя ничего уже не значило, для меня оно оставалось памятью о том, что я когда-то не прожил жизнь обыкновенного парня Миши Бодро'ва.

Очевидно представленная мне алфатина, была танцовщи-

цей, из тех, кто умел работать над собой, и потому её тело было без неестественных излишеств: спортивная, крепкая фигура с многообещающим размером груди.

Я едва кивнул в знак приветствия, чем вызвал её удивление. По их понятиям мужчине уже повезло при знакомстве с представительницами генетического великолепия, и я должен был просто рассыпаться в комплиментах.

– Вы давно живёте в Агидели? – Она цеплялась за Буйвола, но придвинулась ко мне, выставляя грудь.

– Пару лет.

– А где жили раньше?

– Вы интересуетесь, не был ли я в Варберге? Был год назад.

– Как вы узнали, что я из Варберга?

Я промолчал.

– Ну же Майкл, ответь ей, – Атакующий не сдержал усмешку, он поощрял интриги, как всякий прирождённый политик.

– Ранний билингвизм проявляется тройственно, в вашем случае отражается в мелодике вопросов, судя по тому, как вы спросили, ваш родной язык немецкий, отсюда я узнаю Варберг, единственный, стопроцентно немецкоязычный город.

– Может в моей семье говорили на этом языке?

– Такой вариант был, но я отказался от него потому как в Федерации вы не долго; немецкий и русский других языков вы не знаете. Учитель говорил с вами на русском, друзья и

тренер на немецком, семьи не было. Я уже встречался с клонами для корпорации Russische Unterhaltung. Спецзаказ две тысячи триста девяносто шестого года.

– Он прав, Чеми? Тебе ведь двадцать? – Она потрясённо кивнула.

– Буйвол, кто этот человек? Почему я раньше его не видела?

– Обычно Майкл очень занят, он представитель Совета, путешественник, исследователь и непревзойдённый скептик. Сегодня исключительный случай, когда мы имеем возможность пообщается неформально с такой феноменальной личностью.

– Поверьте, Атакующий сильно преувеличивает мои качества.

– Бросьте, рядом с вами двумя, я просто бездарность, лишённая всяких талантов. Вот Чеми например, настоящий бриллиант.

Я вопросительно поднял бровь, и Буйвол пошёл в атаку:

– Ты должна продемонстрировать свою красоту на сцене, Дорогая.

Она польщённая сделала вид, что растерялась.

– Просим, Чеми, – настаивал губернатор, – порадуй нас своим мастерством.

– О-о-о, но выступление сегодня не обговаривалось, я просто в эскорте.

– Прошу, я уверен наш друг Майкл будет необычайно

счастлив.

Ещё немного уговоров и танцовщица удалилась. Губернатор пригласил меня сесть за его стол, рядом с его переполненной тарелкой появилась чистая.

Голограмма цветущего сада в центральной части зала сменилась светом трёх десятков прожекторов, музыка, отдалённо напоминающая микс африканских барабанов и техно, заполнила помещение. Девушка, переодетая, уместней сказать «раздетая» в абсолютно открытый наряд, манящей походкой прошла мимо, остановилась, замерев на четыре такта, манящим движением развернулась, прожгла меня пламенным взглядом и начала движения чувственного танца.

"Ну, да! Не обговаривали?! А костюмчик у тебя всегда с собой?"

Лёгкое, отточенное движение бедром, руки привлекающие внимание к выражению страсти на лице и всё тело словно наполнилось музыкой и смыслом, смыслом который стал понятен каждому. Танец набирал темп, расстояние до меня уменьшалось и к концу представления ни у кого не возникло сомнения, кому она посвятила этот шедевр.

После банкета я возблагодарил за её талант дважды:

– Нужно принять «Дезир», – прошептала она, уверенная, что удовольствие может быть только в таблетках.

– Не надо, – я воспользовался преимуществом бессмертного тела и, заменив капсулу со стимулятором своим влиянием, довёл её до оргазма. Девчонка была тёплой и мягкой,

приятно сознавать, что технологии иногда ошибались, и среди сплошного безобразия, ещё могли «получаться» приятные штучки.

Она уселась, лицом ко мне, потом откинулась назад и, приподняв бёдра, сделала мостик сверху меня. Прогнувшись в спине и прижимаясь затылком к самым лопаткам, затейница принялась ртом заводить меня снова, предоставляя мне возможность сделать то же самое. Я гладил её тело, но обошелся без поцелуев.

В её руке звякнул фурашат, небольшой эротический сувенир с двумя звеньями, заканчивающийся причудливой кисточкой и миниатюрными колокольчиками.

И совершенно приватный танец, под звон колокольчиков, кисточка фурашата, управляемая её внутренними мышцами, исполнила в десятке сантиметров от моего лица.

«Да ты ж искусница!» – И тогда я воздал её изобретательности во второй раз. Телу тренированной алфатины поддавались неопишуемые позы. Умелые толчки и сладкий стон, меня накрыло волной удовольствия, она распространилась от крестца до плеч и на миг, за который потерял контроль над собой, я сдался наслаждению, выдыхая: «Есения!», – чтобы опять сгореть от ярости после.

Оттолкнув Чеми, я вышел из спального блока.

– Что значит «есения»? – Она подошла, когда я вытирался после душа.

– Ничего...

– Это имя?

– Какое тебе дело?

– Прости. Подруги на ушах. Никто о тебе ничего не знает. Некоторые болтают, что ты не ходишь на обследования.

– Я не болен.

– Как можно знать это наверняка?! Даже когда человек хорошо себя чувствует, дефект уже развивается внутри. Обследоваться необходимо.

– Я дал тебе повод так думать?

– Нет, но никто из нас... я хочу сказать, я первая с кем ты был. Я хочу заботиться о тебе, остаться особенной.

– У тебя это уже получилось. – Я удержал её, не допуская объятий, но сказал вполне искренне: – Ты особенная.

Её надежды на дальнейшие отношения не оправдались, смесь восхищения и грусти не способствовала лёгкому расставанию. Общение со мной пробудило в ней неведомые до этого потребности. «Заботится» – это было, что-то новое для жизни двадцатилетней алфатины, недолго скрашивающей ночную жизнь, как яркая бижутерия.

В мире, где институт брака утратил своё первоначальное значение, в семью входило любое число супругов, само бракосочетание воспринималось не более чем повод для отдельного праздника. Для того чтобы заказать себе ребёнка заполняли форму 376414, в которой кроме пола отмечали галочками нужные признаки. Чтобы возникла привязанность, будущие родители могли купить допуск к инкубатору, но в

большинстве находили развитие ребёнка процессом неприятным зрению и довольствовались моментом передачи дитя им на руки.

Каждый человек с рождения до смерти находился на обеспечении государства, трудоспособные получали надбавки за полезность, которые могли использовать по собственному усмотрению и при заказе ребёнка, в том числе: на модификации и чтобы не вынашивать самим. Бесплезные и девиантные подростки лишались лечения после четырнадцати. Люди нового поколения в принципе даже о себе не заботились, так что Чеми сильно озадачило возникшее желание, заботится о ком-то.

Часом позже я подключился к Гоутонгу через чужой, активный дангвей, обойдя примитивную защиту. И, оставляя строчку «отправитель» пустой, перевёл приличную сумму за неприличную услугу на электронный счёт Черемицы Альпийской. Она, конечно, могла догадаться, кто отправил ей деньги, но сделав это под чужим аватаром, я дал понять, что более ничего не последует.

Глава 3

Полоса редкой зелени близ озера, образовавшегося за полтора летних месяца, уже познала заморозки. Солнце не оставляло тепла на планете без океанов с начала августа. Растения, менее требовательные к составу воздуха, чем животные, упрямыми ростками доказывали, что жизнь не погибла окончательно, вопреки обжигающему ультрафиолету

днём и холоду ночью. Однако, меня не покидало ощущение, что обезвоженная планета стремительно неслась в холодную неизвестность, беспрестанными вращениями сократив земные сутки почти на треть.

Сторожевой сразу учуял моё приближение и, побратавшись со мной, проводил в пещеру. Одно из преимуществ общения с навийцами – отсутствие этикета, можно начинать разговор, когда захочется, а потому я молчал, сидя у тлеющих поленьев.

Несмотря на фотосинтез в листьях осоки и бактерии, вырабатывающие кислород в талой воде арктических льдов, костры не полыхали как раньше, для огня использовались магия и обычные баллоны с газом. Ни я, ни звероподобный монстр, оставленный на страже логова, не страдали от холода. Пламя опалило начертанные знаки, сигнал о моём появлении, и продолжало служить зрелищем, навевавшим далёкие воспоминания. Глядя на огонь, я остро пережил чужую тоску по солнечному свету и приглушенно, словно отголоском, нашел свою собственную печаль: по летней зелени, по ушедшим друзьям, с которыми сидя у костра студентом пел песни и мечтал о жизни. Жечь искусственно полученный человечеством кислород было расточительством, но изредка мы себе это позволяли.

Тоска развеялась, как только вернулись остальные члены стаи. Ни Велес, ни Чернобог не озаботились сделать волкодакам пару, их немногочисленное братство тысячелетиями

служило надёжной стражей и держало в страхе существ населявших Грань. Водкодлаки были настолько древними существами, что могли рассказывать историю Нави, как очевидцы. От них я узнал о времени, когда Велес создал сестёр Алконост и Сирина и исчез, позволив самозванцам впитывать подобие своего дара. Красотки далеко не сразу смогли выбраться из Тьмы и вообще не сохранили бы себя среди бесов, гладышей и нетопырей, если бы Сирина не приняли в стаю. По странным причинам водкодлаки до сих пор считали её своей.

Эти древние, тёмные стражи прижились в Яви, по моей просьбе прочёсывали пустыни в поисках признаков жизни. Эдакие волосатые егеря с табу на охоту, которое не распространялось только на существ и людей, посягнувших на занятые ими территории, а таких было не много. Люди не осваивали север, их краткосрочное присутствие объяснялось потребностью в ископаемых и воде, а начиная с ноября, температура здесь опускалась ниже восьмидесяти по Цельсию.

– Привет, брат. Как дела? – услышал я. Рахалахи, что означало «недообратился», не был похож на творение Чернобога, считался чересчур «не страшным» для навийского стража, и отличия проявлялись не только внешне.

Я кивнул в ответ, изображая взглядом: «Ничего, как всегда» и дружески хлопнул его по плечу, приглашая присесть. Его внешность не редко становилась объектом нападков в стае, хотя, скорее потому, что передав власть другому брату,

младше себя, он это позволил.

Признанным вожаком стал Волк, второй по рождению, страшное как грех чудище. От волка ему достались разве только имя, жесткие серые волосы на большей части двуногот тела, да пожалуй, форма ушей. Всё остальное могло принадлежать только монстру: огромный торс, массивные плечи и шея, с туловище обычного человека в объёме, заканчивающаяся лохматой головой с демонически страшным лицом. Такое впечатление, что Велес задумав волкодлаков, сделал Рахалахи, позыркал на него своими бегающими глазами и, понимая, что не добился требуемой оригинальности, вылепил пять воплощений своих худших кошмаров.

Рахалахи уселся на тот же уступ, что и я, его обычное место по правую сторону от вожака осталось свободным, когда последней, вслед за Волком, вошла Сирина.

– Рахи печётся о тебе как мамка, – Сирина поливала ядом, невзирая на радость встречи. В стае не придавали особого значения её речам, но яд, пропитывающий её слова, был мне знаком. Она, как и я, травила свою жизнь неразделённым чувством.

– Привет! – Обхватил языкастую вредину руками и притянул к себе, взглядом поймав улыбку до того как она сжала губы, вернув лицу привычную маску надменности.

– И тебе добрый вечер, сестра, – откликнулся Рахалахи и вернулся на своё место рядом с Волком, так как Сирина, усевшись со мной, оказалась непозволительно близко к нему. Со-

Юрия от Макоши.

– Где передадут Слезу? – Сирина изъявила желание посетить гуляние.

– В Туоджке, там совсем безлюдно.

– Ты не идёшь? – осведомился Рахалахи.

– Нет.

– Думаешь её угрозы пойти с Красавчиком, реальны? – Послышались жуткие твякующие звуки – звериный смех. По правде сказать, надо мной они потешались ещё чаще, чем над старшим братом.

«Научил же вас на свою голову говорить по-человечески!»

Бесцеремонные вопросы, а они как назло задавали их довольно часто, ощутимо задевали незаживающие трещины, которые разрывали остатки моей человеческой души.

– Не хочу испытывать судьбу.

– И зачем заставляешь себя страдать столько лет?! – Рахалахи искренне не мог понять. Освобождённый от подобных качеств, он был просто не уязвим для большинства человеческих переживаний.

Я осторожно глянул на Сирина. Она вскинула голову, отправляя ледяной взгляд в сторону Рахалахи. Знал бы он, чего ей стоило это кажущееся равнодушие.

– Ты сам-то пойдёшь? – спросил я у Волка.

– Ссс-обираюсь прочесссать материк, отдохххнуть от всссеххх.

– Возьми карту, чтобы избежать видеоловушек... Такрин просит меня посетить одно место. Слышали что-нибудь о зелейнике Илиме?

Стая предложила помощь, моя идея идти к зелейнику в одиночку им не понравилась. Разумные доводы, которые они приводили, рыча и картавя слова длинными языками и острыми клыками, при желании можно было выдать за предостережения. Хотя никто из них не собирался меня останавливать, я сидел и удивлялся: «Почему я только сейчас так отчётливо понял, что они моя единственная семья уже сотни лет?» Принять заботу стаи из шести бесчувственных сердец и «ядовитой» бестии может показаться противоестественной, опасной затеей. По началу, я общался с ними исключительно из-за информации, которой они располагали, а они почитали меня, приняв за Велеса. Но постепенно всё менялось. Я в полной мере всем доказал, что я балбес, а не Велес. Ничегошеньки не создав, с трудом управляясь с магией сидящей во мне, я был способен разве что вызвать огонёк и активировать начерченное плетение нескольких защитных рун. Но Велес-неудачник им нравился больше, чем кровожадное перерождение полководца, управлявшее Навью до меня. Мы вместе ушли из Нави, пережили гибель природы моего родного мира и приспособлялись к новому порядку. Я просчитывал каждый рейд, иначе чего доброго могли пострадать люди. Именно поэтому мы делились своими планами, и это сделало нас похожими на семью.

- Ты ждёшь подвоха? – Сирин продолжала разговор о моей встрече с зелейником, когда стая осталась далеко позади.
- Если дело касается бессмертных, я ни в чём не уверен.
- Странно, что Рахи о нём не знает.
- Это не странно, как раз наоборот, доказывает, что зелейник не навийское существо, а человек.

Мы давно не общались с глазу на глаз и у каждого поднакопилось, о чём подумать, находясь рядом с тем, кто тебя понимал.

- Поговори с ним? – я в очередной раз настаивал на откровенном разговоре с Рахалахи.
- Да пошёл ты! – она не терпела, когда я лез с советами.
- Уверенна, что он выберет стаю?
- Не хочу потерять единственную возможность его видеть.
- Волк в любом случае позволит тебе остаться.
- Ну да! Опозориться и остаться...
- Попытайся, может он поймёт. – Она упрямо покачала головой, не слушая меня. Тогда я решил действовать иначе. – Он не такой как другие. Видела бы ты его рожу, когда он вышел из Нави, он так рычал, деревья падали – выражал восторг, увидев солнечный свет. И раньше всех выучил русский, как раз потому, что в навийском отсутствуют прилагательные.

– Возможно, – последовал разочарованный вздох, – но я не солнце, мной он не восторгается, рычит только, когда про-

гоняет.

– Я могу настаивать...

– По какому праву?

– Помнишь на Ибнице?

– Охота в отеле «Анкоридж»? – Мы неслышно засмеялись, вспоминая, азарт Сирина, взявшей след террористов и выследившей целую организацию, для того чтобы двенадцать мужиков поняли, что портить её любимое платье с блёстками было вредной для их «здоровья» идеей. Нашли злодеев не торопясь, несколько недель после взрыва в кафе, где мы опохмелялись, они исчезали один за одним, а после... Я разрешил ей пытки, и красotka глумилась над каждым, изобретая новые способы преподать им урок.

– Накануне, когда поспорили, испытывая на прочность наши вечные тела этиловым спиртом! Тебя ведь всё-таки вырвало. Ты мне торчишь желание.

– Ничего подобного! Меня не от алкоголя вырвало, а от тебя. Ты тогда водкой вспотел, Фу-у-у... Премемерзкое зрелище!

– Мерзким оно стало после того, как ты чиркнула зажигалкой, – припомнил «зажигательную» шутку и, в упрёк, слегка двинул её плечом.

– Я просто тебя немного подсушила! – Она толкнула меня в ответ, не уступая в споре.

Я понимал, почему Макош пригласила Сирина. Несмотря на то, что она «шла в комплекте» со стаей, Сирина являлась

синонимом слова праздник, нужна как воздух тем, кто разучился отрываться на полную катушку.

Первые несколько лет после освобождения, мы кутили с ней дни и ночи напролёт. Развязней друга у меня отродясь не было: море спиртного было не фигуральным выражением, целибат мы тоже не давали, болезней не боялись, и связей у нас было больше чем алкоголя. Экстремальные виды спорта перестали бодрить риском сломать шею, и только моя человеческая душа не позволяла веселиться в открытую. Но сильно-то мы тоже не скрывались. Интернет пестрил фотками и видео: «Двое на горных мотобайках», «Свободное падение с Эйфелевой башни», «Рекорд Гиннеса по дайвингу».

– Надо бы повторить, что-нибудь из «Сумасшедших в Гималаях».

– Снова столкнуть тебя со скалы и прыгнуть следом?

– Ладно. Можешь не прыгать...

– Не прикалывает, – Сирин отказалась от «фриджампинга» с горной вершины, – Мир уже не тот и мы тоже.

В своё время, мы искали способ забыть то, что не в силах были изменить и не нашли: ни в сексе, ни в дури любви не было. Мы поняли это лет через тридцать, а после кутили просто так.

– Приходи, как разберёшься с зелейником.

– Хорошо, – пообещал я на прощание, сгрёб её в охапку и крепко обнял. До того как она капризно надула губы и нарочито грубо меня оттолкнула, я мог бы поклясться, что сквозь

подкладку лёгкой куртки почувствовал пульсацию, исходящую от твёрдого камня в нагрудном кармане.

Глава 4

– Привет!... О! Прости, знаю у вас как бы ночь, но дело срочное и интересное, – за сотни лет, я научился говорить по-английски чуть хуже Шекспира.

– Майкл? – Вулверин Дарк Линеус даже сонный не сомневался, что это мог быть только «безбашенный русский», как он любил обо мне отзываться.

– Угадал. Ну, так что?

– Когда ты приезжаешь?

– Уже. Я в лаборатории, оставил тебе подарок в вакуумном боксе.

– Shit! – он выругался от моей наглости. – Как ты туда попал? – Послышался щелчок активации режима «Утро», Дарк решил встретиться прямо сейчас, позабыв о сне. Его дангвей передавал слова с разных точек, пока хозяин переключивался из комнаты в комнату с пиджаком под мышкой по направлению к выходу, пропустив часть процедур, не прерывая беседу и застёгивая одежду на ходу.

– Будь осторожен с этим, – предупредил я его, скрывая оберегающую руну под столом за отводящим символом, – я позаботился, чтобы оставаться твоим единственным странным гостем. Об остальном позаботься сам. Позже свяжусь узнать, что ты выяснишь. Жду полного анализа.

– Чудно! Уже мчусь. – Он был готов землю рыть, если бы

я попросил и дело не только в том, что я пару раз спасал его от правосудия. Фармо-генетически улучшенный мозг американца постоянно нуждался в свежей информации, которой я с ним щедро делился. К тому же он догадывался, что мои внезапные визиты не совпадали с расписанием рейсов межконтинентальных модулей и в значительной степени боялся мне не угодить.

Я же напротив, не стремился разрушать его традиционные представления об устройстве физического мира. Если бы он узнал, как я проник в лабораторию, он бы не успокоился, пока не докопался до сути, но ещё раньше он представился бы – скопытился, то есть умер, если так понятней.

Всеобъемлющая энергия эфира опровергала существование известных людям расстояний. Непосвященные могли видеть потоки света, лифт или ступени в небо, а нередко провал в адскую бездну. То, что идентифицировалось последним проблеском сознания умирающего, искажалось переходом за Грань. Эфир забирал сущности людей, когда в теле угасала последняя искра жизни.

Мне как переродку, уже однажды, заглянувшему за грань смерти, стали доступны знания о межмирье. Как бессмертному, наделённому способностями, это открывало большие перспективы. Но в виду «недоделанности» или «недобогости» (назовите как хотите, я уже не обижусь) и «убогости» в образовательном плане антиматерия дальше перемещений меня не пустила, и поделиться со мной своими неведомыми

свойствами без диплома «Хогвартса» не спешила. То немногое, что я познал, включало переходы из одного места в другое и только.

Я закрыл глаза, сливаясь с невесомостью субпространства натянутым как стальной канат телом. За срок в четыре земных жизни переход через эфир стал обычным делом. Более того, постепенно я смог управлять тем, что переносил. Я шагнул, мысленно превращаясь в небытие. Было не страшно полностью раствориться, чтобы собраться в целое там, где находился зелейник. Миг и я ничто кроме открытого разума, последнее ощущение, будто меня выдернули из лаборатории Дарка, увлекая в глубины нематериального.

Я слышал, что для настоящего Велеса Грань (как называли переход из энергии в материю и обратно) открывала бескрайние возможности. Как настоящий демиург он был способен сотворить собственный мир, присоединить к нему любые территории, используя энергию эфира и существовать вне времени и пространства. Я не был тем, кем меня некоторые продолжали считать, и даже отдалённо не представлял, как в одной спичечной головке разместить целый мир.

Порой с того ни с сего появлялась уверенность, что я, признанный перевоплощением бога обладаю его способностями: верну воду Яви, спасу его обитателей. Шли годы, я заучивал схемы, перекладывал скрижали, перечерчивал таблички, но воды так и не «намагичил». Для появления более героической идеи – создание для явчан нового мира, я даже

голову бы не подставил, если бы мне её кто-то перекинуть собрался. Я как всегда: удивлял друзей и разочаровывал врагов Велеса, хотел обратного – не знать, что магия существует на самом деле.

Переместившись к обиталищу зелейника, я ожидал найти пещеру со складом дыхательных баллонов и очень удивился, обнаружив за городскими развалинами, не хило оборудованное, подземное убежище.

Следы принадлежали трём, четырём людям. Кто-то нашел и оберегал подземный источник, вода – главное условие обустройства жилого бункера.

У гладкой стены, рядом с бронированной дверью я озадаченно уставился на деревянный столб с вывеской из свеженькой сосновой доски. Подобный предмет деревянного зодчества сам по себе невидаль в серой пустыне, коей стала некогда голубая поверхность планеты, однако меня заинтересовала не доска, а слова, коряво вырезанные на ней кириллицей: «Гомосекам и технократам вход воспрещён!» Они образовывали не то требование хозяев, не то их кредо. А меня обнадёживали и, в предвкушении знакомства с неординарной личностью, сделавшей надпись, я надавил на кнопку коммутатора.

То, что юный хозяин таблички оказался клоном с запущенной стадией рака, я понял с первого взгляда: восковый оттенок бледного лица подчеркивался тёмными кругами под глазами, с блеском любопытства, вззирающими из-под длин-

ной чёлки, переходящей в кудрявые патлы ниже плеч. Нездоровая худоба делала его длинноногим, не складным подростком. Отшельник сказал, что ему семнадцать, но на вид я бы дал не больше пятнадцати. Как он попал к дозорным? – Загадка не только на логику.

– Андрюшеку нужно к вашим медикам.

– Андрюшеку?

– Всё правильно. Имя мальчика – Неопалимый Ятрышник, а я его по старинке называю. Андрюшек мне больше нравится.

«Ещё бы! Да, что б вам... взрослым из семейства Неопалимого Ятрышника пусто было!» – это хуже, чем анекдот, когда был у японского ёжика Йо сын — Бище. Кто? Кто у Йо? Бище?

– А что ко времени твоего рождения уже всех достойных представителей флоры и фауны разобрали?

– Мама... вроде как сама выбрала, – выпалил болезный и сник. Мальчик явно переживал из-за расставания с семьёй, а не из-за невезухи с именем.

«Мама? Выходит семья традиционная. Его родителям мозг не модифицировали», – я подумал, что люди, профилированные на благо науки, не назвали бы ребёнка растением, которое на древнем языке означало не больше, чем сходство формы клубней с мужскими яичками. В сочетании с фамилией – Неопалимый, это казалось просто верхом пост-апокалипсического абсурда.

Несмотря на болезненную бледность и худобу, как только Андрюшек понял, что Илим принимает меня за хорошо знакомого, взялся за привычные дела: метнулся за чаем, накрыл на стол, задал кучу вопросов о политике и обо мне самом. Мы пили дивий чай и слушали нескончаемые истории из маленькой жизни Андрюшека. Он говорил толково и о многом: виртуальных фишках, известных политиках, классической и современной литературе и, ловко избегая прямых ответов на мои вопросы, не дал и намёка на обстоятельства, приведшие его сюда.

Дядька Илим, как называл дивьего знахаря подопечный, так и не сказал мне, почему в Яви полгода чаи гонял с клоном моего любимого поэта. Он, с интересом кошака, заведяшего мышь, не отрывал взгляда от манипуляций подопечного с компьютером. Готов был нос засунуть следом, когда юный «Пушкин» досадуя на отсутствие личного дангвея, взял с полки дешёвую модель оргпода, надел его на руку и стал нетерпеливо постукивать оббитыми тончайшей тканью проводов пальцами по поверхности деревянного стола, в ожидании пока процессор, «нагретый» телом, запустит файлы с его стихами.

– Мне вот это не плохим кажется, – он принялся декламировать длинную поэму «О счастливом идиоте», в конце доказывающую, что счастье – есть синоним прочного идиотизма. Я спокойно наблюдал как проекции текстов сменяются одна за одной, слушал негромкий голос, воодушевлён-

ный искренним вниманием, слегка осипший от волнения, и удивлялся всё больше. Стихи отрока (более позднее слово в данной ситуации подходило хуже) били в самую цель, словно кто-то не просто держал его в курсе событий, а научил вникать в суть происходящего:

Так что же было там положено Юпитеру
На первозданных, олимпийских небесах?
Не хитро, просто, но предусмотрительно
Да всё, что он себе позволил сам.

Карать дугою миллионвольтовой,
Иметь богинь и скромных дев земных,
Дарить бессмертие элитарным скольким – то
И отнимать дыханье у иных.

Эпоха минула – языческие бредни
Не сгнули и всюду начеку;
Они опять явились к нам намедни
И стало всё позволено быку.

И красть у нас, и вывозить в Европу,
И лгать, и клясть, что завтра – благодать,
И конституцию задвинуть пиплу в попу,
И быковать, и быковать, и быковать.

Опохмелитесь, люди, посмотрите –

События растут как снежный ком;

У нас – что ни правитель – то Юпитер,

Ещё вчера родившийся быком.

(Примечание 1: стихотворение размещено с согласия автора)

Очевидно, что парнишка ни с одной «скромной» земной девой не был, а то написал бы подробней, а в остальном... претензии Европы, крах общества, нагромождения лжи... Как парнишка это понял?! Станным казалось всё.

– Откуда слово такое взял «опохмелитесь»? – я не мог поверить, что это его стихи.

– Сам удивляюсь. Андрюшек, а разве сейчас опохмеляются?

Мальчишка пожал плечами, а Илим пришел к заключению:

– Точно говорю, он и про медовуху-то слухом не слышивал.

– Я когда думать начал, – признался Андрюшек, поборов налёт смущения, – слова сами всплывали. Записал, потом в памяти оргпода ксивонгил, чтобы проверить, правильно ли подобрал.

– Раньше знаешь, «гуглить» говорили, – непроизвольно поправил я, отмечая, что рядом с его непосредственностью, хотелось быть хотя бы честным в ответ.

– Да? А почему?

– Поисковик «Google» назывался.

– А в истории развития Гоутонга о таком поисковике ни слова. Когда же это было?

– Давно, ты ещё не родился. – Ни к чему мне было упоминать, что четыреста лет назад язык Интернета был не китайский. – Значит, слова ты просто слышишь?

– Не слышу, скорее чувствую, знаю что – ли? Они в голове. Как зуд, только одно напишешь, новое свербит.

– И давно так с тобой? – спросил я сочувственно, он же опять нас удивил, воскликнув:

– Если бы! По правде сказать, как назло совсем недавно... в детстве так не было. – И, едва справляясь с волнением, потупил взгляд, внутренне ругая себя за упоминание своей запретной темы «семейное прошлое» спросил: – А мы на чём отправляемся? – Отсутствие средства передвижения, доставившего меня к ним, озадачивало не только его одного. Но я не торопился рассказывать.

– Андрюшек, ты собери с собой кое-чего из вещичек, – велел Илим и выжидаяще уставился на меня. Мальчишка скрылся за люком и, шаркая по бетонному полу, побрёл по коридору нижнего уровня. Сидя спиной к столу, я отвернулся от вопрошающего всем видом Илима и спросил, глядя в кажущуюся пустоту.

– Как дозор на него вышел?

– Ты о чём? – откликнулся Илим, вернув беззаботный тон. – Я его в пустыне нашел, в остывающем наземном модуле, без сознания.

– Не твоё это, зелейник, по пустыне шастать. Пацан сказал, ты появился – значит, был не сразу. Его кто-то из вас двоих сюда доставил.

Вздыхнул, показывая, «извините, но сами вынуждаете», вытащил из кармана золотую пыль от перстня неприятого Есенией, поднял руку, согнутую в локте, высыпал пыль из мешочка на ладонь и, сделав бросок рукой, подул. Обсыпанные микроскопическими бликами передо мной застыли две недоумевающие рожи.

Невозможно было удержаться и не пошутить, если двое громил думая, что их не видно, жмутся по углам небольшой комнаты уже несколько часов. А здесь мой стёб ещё и делу помог. В продемонстрированном трюке присутствующие признали нечто им известное, уверились, что я обладаю артефактом ведающих, и расслабились, не подозревая о моих истинных возможностях. На самом деле, чтобы развеять морок невидимости мне артефакт под названием «Явственная пыль» был не нужен.

– Поговорим, пока парень не вернулся, – читая эмоции и получая полную вербальную информацию, я «попросил» рассказать, где они нашли парнишку. Эти двое мужчин были молоды, дозорными стали не так давно, фиксировали постоянство гибели природы Яви и пересылали отчёты своим бессмертным боссам. В конце зимы один из них проснулся от покашливания мальчишки с грамотой в руках. Почерком начальника в ней указывалось позаботиться о госте, а даль-

ше ждать помощи. Рассказ Илима был похожим.

– Почему Род за клон поэта из Яви беспокоится?

– О том не ведаю, меня о мальце просил не бог, человек.

– А ты так уж в этом уверен?

– Я видящий! – произнёс он с гордостью. – Точно говорю, смертный велел спасти, в обмен на руну, которую я много лет ищу, он же Слезу Перерождённой принёс.

– Что даёт тебе уверенность, что приходил человек? Довелось бессмертного повстречать?

– Однажды, – замялся, но желание показать насколько он сведущ в упомянутом вопросе перевесила осторожность. – Меня позвали. Корченок зацепил свидетеля, снял кожу с плеча. Возился до ночи. Храм опустел. У входа стояли двое наших и ОН. Ты говоришь, откуда знаю – светом он изнутри лучился. Это тебе не блик видимости сотворить. – Он упрекал меня за невежливость в ответ на его гостеприимство. – Говорю, тут человек хлопотал. Жаль, что я не смог Андрюшека вылечить, жаль не потому, что не видать мне той руны. – Он успел привязаться к мальчишке за время, что провёл с ним. – Вот ведь как! Мне хворь забрать враз, ведь я её вижу, а на него не влияю, как бессильный. Станный Андрюшек какой-то, вроде живой человек, а сам болванчик, совсем пустой внутри. Сути в нём нет, понимаешь. Мой дар такого не возьмёт. Вся надежда на ваши технологии. Бишь их! Он ведь какой-то особенный, так?

– Не то слово! Не думал, что до взрыва успели расшиф-

ровать геном Пушкина. Слышал о таком?

– Пушкин?... Ах, да! Почитай все в Чуди про ту старуху с корытом поминают. Не приведи Род, такая дома заведётся! А как ты нашего маленького сказителя перевозить будешь?

– Значит, не уточняли, кто должен за ним прийти?

– Сказали отшельник из Яви и ключ-слово, что ты назвал.

– Ну и не стоит больше беспокоиться, парнишка со мной.

Упомянутый влетел на всех парах.

– Всё, я готов! – Он собрался в длительную поездку: напялил прорезиненный костюм и тяжёлые ботсы, взял дыхательную маску в руки, поправил большущий баллон с воздухом в сумке через плечо и потопал к выходу.

– погоди, не одевай пока, – я прикоснулся к его лбу и подхватил засыпающего мальчика, когда маска выпала из безвольных рук. – Вот теперь ты действительно готов. – Дальше осторожничать, надобности не было, осталось прояснить кое-что лично для себя, и до того, как уйти в подпространство, я открылся глазам зелейника, убрав отводящие чары, показал, кем я был на самом деле.

– А я, Илим, лучусь? – спросил, придерживая одной рукой мальчишку на своём плече.

На лице Илима застыла гримаса страха.

– Что ты такое? – выдохнул он. Дозорные встали в боевую стойку.

Исчезая сквозь эфир, я прокручивал в памяти испуганный взгляд зелейника, понимая, что сам не смог бы ответить

на вопрос Илима наверняка.

Глава 5

Комната, в которой я разместил Андриюшека, всё больше становилась похожей на палату интенсивной терапии.

– Где мы?

Я обернулся на голос, не выпуская из рук установку газоанализатора в купе с прочими мониторами, и встретил настороженный взгляд мальчишки.

– На месте, – я сказал ему, что он поживёт здесь какое-то время, пока я решаю вопрос с лечением.

– Это ваша квартира? – Он перевёл взгляд на старинную облицовку, имитирующую камин, скользнул по позолоте рамы «Охотников на привале» Перова и округлил глаза.

«Парень, а ты и в живописи сечёшь?».

– Хорошая копия, – соврал я. – Мы в Агидели. Бывал здесь?

– Нет, только слышал, город с серебряной водой. – В голос вернулась прежняя настороженность, он через силу оторвал взгляд от холста, в простых красках которого остались жить травы, птицы и люди, так невероятно комфортно устроившиеся отдохнуть.

– Что? Далеко от дома оказался?

Ответа не последовало, интерес вызванный пейзажем совсем угас, он так и не смог решить, что можно рассказывать,

а что нет, и предпочёл воздвигнуть внутри себя ещё больше преград. Наше общение продолжалось в духе висевшей на стене картины, я словно охотник, расставлял бесполезные силки, а пугливый кролик ни как не хотел вылезать из норы.

– Молчишь? И откуда ты – не скажешь?

Благодарный за подсказку, парень смущенно улыбнулся, беззвучно соглашаясь: «Не скажу. Извините». Ценность секретов я понимал, но от последней попытки не удержался:

– Послушай, мне не помешало бы знать, во что я ввязался?

Он отвёл взгляд и сжал челюсти.

«Ладно, без тебя разберусь!»

Из-за его упрямства, нашпигованного витаминами и погруженного в глубокий сон, я оставил Андрюшека в одиночестве, чтобы подальше от дома, организовать виртуальный взлом.

– Каифангну за пять сек, – пообещал Дэмп. – Пи, ганранишь систем. Первый, ты с нами?

– На месте, – отозвался Первый.

– За тобой длуотан.

– Понял.

– Крейн, хианшикви квинтуанг!

Инструкции Дэмпа для прослушки – хрень полная, сленг смеси трёх языков с русскими спряжениями, используемая только в узком кругу: Демп и Пи хакнули базу, Первый подключился к поиску, а Крейн мониторил безопасность и под-

чищал следы в Административной Сети, хотя ни одно из вышеперечисленных имён не принадлежало человеку. Я отслеживал владельцев продвинутых дангвеев, «склевал», то есть, незаметно для хозяина, внедрялся в программу и присоединял к ранее захваченным трофеям. Моя команда из десятка искусственных интеллектов, в купе с магическими эффектами опережала современные технологии, поэтому заметить меня в Гоутонге было не возможно.

Гоутонг—аналог интернета, когда-то многим казался пустой затеей. Зачем ещё один Интернет? Однако прижился он, и довольно быстро, благодаря своему статусу «свободной сети». Это была известная всем, но недоступная действующим ограничениям сливная, информационная яма, где свободно выкладывали и находили всё запрещённое законом. После первого знакомства с Гоутонгом я, удивлённый наглостью провайдеров, отправил, было, запрос о попустительстве спецслужб в центральные полисы Федерации, Трансполитического Альянса и Аравийского Конгломерата. В двух из трёх межгосударственных объединений я занимал в то время заметные посты в правлении, и отмахнуться от моего «любопытства» не могли. Учредили комиссии и отделы по расследованию. Остальное казалось делом техники: вычислить серверы, по кабелю отследить узлы связи и взять под контроль новую сеть.

И тут случился первый облом. Никаких кабелей не было. Не нашли, как ни искали. Я не поверил, нанял собственных

агентов и понял, что отыскать экспонаты янтарной комнаты легче, чем найти провайдеров Гоутонга. Этим они меня впечатлили, а посему я предпочёл оставить их в покое. Почему бы и нет? Вместо копаний в цифровых глубинах, я приспособился виртуозно управлять чужими дангвеями и теперь, можно было с уверенностью сказать, что запретных тем для меня в Сети не было, потому что всё, чем жил и дышал человек с дангвеем, в этом самом цифровом проводнике и отражалось. А то, что я последнее время «немного» отличался от обычных людей, ещё не означало, что я не разделял их грешный образ жизни.

«Свободная сеть» привлекала всех и это объяснимо, народ, существовавший под землёй ограниченный бетонными стенами, под прессом многотомных сводов закона, стремился компенсировать ограничения своей свободы виртуальной безнаказанностью.

Отсутствие цензуры имело много плюсов, поэтому вместе со всеми я перешел на Гоутонг, а Интернет без частных клиентов стал Международной Административной Сетью или МАС. Вот так, предок служивший человечеству, превратился в технопотомока управляющего жизнью людей. Его система была отлажена и взята под контроль госслужбами. Программы МАС предписывали обязательные рекомендации к действиям каждому жителю полисов. Не позднее как вчера, мне рекомендовали составить экспертизу по своду законов, изменения в которых было вызвано подписанным до-

говором с Конгломератом. Выполнив заказ, я получил начисление за полезность и, не выделяясь из «массы», позволил вещам свершаться по чужому сценарию, прописанному в строгих формулярах МАС, в то время как, весь виртуальный беспредел сливался в Гоутонг.

Несколько часов понадобилось химерической команде взломщиков просёрфить Гоутонг, чтобы я признал необходимость незаконного проникновения в МАС, так как законных оснований для официального расследования ни у кого из истинных хозяев не было.

Базу Мирного взломали за секунды. Сидя в удобном кресле, я обеспечивал коннект всех своих дангвеев одновременно. Их вердикт был окончательный: в институтской базе, как и во всей системе, сведений о Человеке-Ятрышнике не сохранилось.

Андрюшек вырос на территории Федерации, Илима он боготворил, насчёт имени не солгал. Тогда откуда такие сложности? В сведениях я не сомневался, они были достоверными, но все наши попытки выяснить подробности эксперимента оказались тщетными. Это немного обескураживало, в виртуальном мире моей команде не было равных, мы легко доставали то, что другие хранили за семью замками-кодами. Лично для себя, я создавал новые идентификационные карты в Базе каждые двадцать, тридцать лет и даже внешность и фамилию не менял, а периоды, когда мне приходилось примыкать к стае, закончив очередную жизнь для

человеческого общества, длились не больше пяти лет.

«Какой же исследовательский центр занимается клонами гениев кроме Мирного?» Я дал указание Пи и Крэйну пройти по финансовым документам с «Пушкиным». Результат отрицательный. Время было на исходе. Защита отправила запрос о локализации взломщиков, контакт владельца Дэмпа окрасился желтым – его доступ в Интернет уже ограничили. А я тем временем задумался о том, как бы на днях всё повторить, когда получил ссылку на слово «Пророк» от Пи. Я не ошибся, деньги всегда оставляют след. Подобрал код и пройдясь по базе дешифровкой, склеил дангвей, который при внедрении определился базовым именем Ким и открыл объёмный документ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.